

Криминализация России: побочный или “генетически” программированный продукт рыночных реформ?

Орест Муштук,
профессор (Московская
финансово-промышленная академия)

Почти 10 лет назад было опубликовано письмо одного из криминальных авторитетов старой формации – профессионального карточного каталы некоего Стаса, которое заслуживает того, чтобы его воспроизвести: “Сейчас Россия напоминает огромную беспредельную зону. Вместо нормального русского языка – дешевая фенька, по которой «ботаю» и простой обыватель, и депутаты, и журналисты... «Братва» вхожа в самые высокие кабинеты. Министры парятся в бандитских банях. Власть как будто переродилась... Никакая прокуратура не в состоянии остановить уголовников, со страшной силой рвущихся к мандатам и портфелям... В любом государстве существует преступность, от этого никуда не денешься. Но само государство не должно быть преступным. И к власти не должны приходиться преступники. Иначе демократия превращается в «ворократию».

Сицилийская мафия – благодать по сравнению с нашими правами. Мафия, по крайней мере, соблюдает свои порядки, а у нас уже и воровские законы теряют силу...

Почти не осталось законопослушного населения. Действует шакалье правило: каждый сам за себя. Но мне кажется, при таких порядках Россия не сможет долго находиться на плаву. Она либо распадется на мелкие территории, либо растворится среди других государств”¹.

I

Было бы ошибкой утверждать, что эта хлесткая характеристика всеобъемлющей криминализации России в смутные 90-е годы в полной мере при-

менима и к 2000-м годам, и за прошедшее с момента опубликования этого письма время в стране ничего не изменилось к лучшему. Подвижки в декри-

минализации общественной среды, конечно же, есть, но они пока не столь значительны, чтобы говорить о коренном переломе ситуации: преступности, наконец-то, “перебили хребет” и “загнали в стойло”.

Серия громких заказных убийств последнего времени, когда погибли 1-й заведующий Центральным банком А.Козлов, гендиректор филиала Внешторгбанка и экс-депутат Моссовета А.Плохин, известный журналист А.Политковская, кандидат в мэры Дальнего Востока Д.Фотьянов и др. позволяют говорить, что, по сути, бал в стране по-прежнему правит не закон.

“Торжествует и ликует” основанное на “понятиях” так называемое “пещерное (кулачное) право” и органически связанное с ним нелегитимное насилие – то, что прочно вошло в обиходный повседневный лексикон россиян как **беспредел**.

Это не только криминальный (бандитский), но и “круто замешанный” на коррупции во всех эшелонах власти беспредел чиновничий, административный, правовой и др.

Поэтому далеко не случайно, что на вопрос*: “Приходилось ли Вам и Вашим близким и знакомым, а также коллегам по работе, сталкиваться с ущемлением гражданских прав и свобод, всякого рода посягательствами и насилием?”, всего лишь 5,42% ответило отрицательно. Абсолютное же большинство (94,03%), что сталкивается, если и не на каждом шагу, то довольно часто (29,03%), время от времени (39,17%), крайне редко (25,83%)².

А вот как в рамках этого же опроса иерархизированы респондентами основные субъекты-носители противоправных действий – они предстали в

виде удручающей для властей пирамиды из трех уровней:

– верхнего, представленного такими категориями, как: деклассированные элементы (бомжи, воры, проститутки, наркоманы, алкоголики и т.д.) – 60,42%; работники правоохранительных органов – 57,50%; “гастролеры” и мигранты из других регионов РФ и стран СНГ – 53,19%;

– среднего – подростковые банды (фанатов, “бритоголовых” (скинхедов) и др.) – 50,42%; мафиозно-криминальные группировки и сообщества – 46,81%; работодатели (администрация государственных предприятий и учреждений, владельцы и топ-менеджеры частных коммерческих фирм и пр.) – 39,17%;

– нижнего – муниципальные работники и служащие – 37,08%; городское и федеральное чиновничество – 35,00%; “теневые” частнопредпринимательские структуры – 32,50%².

При этом следует особо подчеркнуть, что эти результаты в целом близки результатам аналогичного опроса москвичей осенью 1996 г.

Они более того, практически полностью совпадают в части, касающейся “пальмы первенства” в противоправных действиях работников правоохранительных органов и деклассированных элементов³.

Анализируя эти итоги, необходимо иметь в виду, что преступность преступности рознь, и по своим основным параметрам противоправные действия различных субъектов существенным образом разнятся между собой, имеют ярко выраженный специализированный характер. Причем эта “специализация” может быть как узкой, так и широкого профиля.

* Социологический опрос москвичей (1231 чел.) проведен летом 2001 г. под руководством автора.

Исключительно как широкопрофильная предстает, в первую очередь, деятельность организованных преступных группировок, густая сеть которых, словно паутина, накрыла всю страну, раскинув свои тенета практически над всеми сферами общественной жизни.

По разным экспертным оценкам, на необъятной территории России сегодня действуют от 8 до 12 тыс. таких группировок.

Причем с 1992 г. численность криминального элемента увеличилась, как минимум, в три раза. По сравнению с 90-ми годами в 2000-е годы, согласно официальной статистике МВД России, выросли такие виды преступлений, как наркопреступность (73%), грабежи (49,6%), разбои (38,2%).

А по уровню умышленных убийств Россия вышла на первое место в мире – 21,5 в расчете на 100 тыс. населения, тогда как в США это показатель составляет 5,7, во Франции – 3,6, в Германии – 3,1.

Общее количество тяжких и особенно тяжких преступлений только в 2006 г. составило 1 млн. 704 тыс.

Бывший руководитель Шестого главного управления МВД СССР по борьбе с организованной преступностью, ныне депутат Государственной Думы от фракции “Единая Россия” генерал-майор милиции А.Гуров в своих публичных выступлениях неизменно подчеркивает, что если по целям отечественная мафия ни чем не отличается от зарубежной, то по формам и методам организации существует целый ряд принципиальных различий, которые в суммарном виде могут быть сведены к следующим:

Во-первых, наша “доморощенная” организованная преступность многонациональна.

Так, если “Коза ностра” по большей части состоит из итальянцев, “Якудза” – только из японцев, то в России даже в “чисто” этнических группировках конкретному этносу

принадлежит лишь “контрольный пакет акций”, остальные члены могут быть самых различных национальностей.

Когда говорят о русской мафии, то с точки зрения этнической представительности, это, по меньшей мере, не совсем “корректно”. Так, из 1600 “воров в законе” лишь 33% этнические русские, тогда как все остальных представляют “нерусские” (чаще других кавказские) этносы.

Во-вторых, в отличие от западной мафии, той же “Козы Ностры”, чье структурное построение и управление сродни государственному с четко выраженной иерархией приказа-исполнения и разветвленным, почти чиновничьим, аппаратом, организационная структура отечественного криминалитета “ползучая” – она мимикрирует, растекается, занимая образовавшуюся пустоту. И там, где государство по тем или иным причинам не дорабатывает, где есть лакуны в законе, тут же эту нишу занимает преступность.

При этом для многих группировок эта структура в качестве традиционной включает такие “институты”, как: лидер, “собрание акционеров”, подразделения, занимающиеся легальным бизнесом, свои банки, кампании, благотворительные фонды и пр.

В-третьих, российская организованная преступность не является единой общенациональной организацией, а представляет собой систему достаточно самостоятельных и автономных по отношению друг к другу сообществ, между которыми, тем не менее, существует определенная договоренность о разделе сфер влияния и “компетентности”.

Так, например, в Волжском регионе – это продажа автомобилей, в районах Севера – рыбный, нефтяной и алюминиевый бизнес и т.д.

В-четвертых, на Западе криминальный бизнес в значительной мере огра-

ничен эксплуатацией человеческих пороков: контроль над проституцией; азартные игры; торговля наркотиками; оружием, в некоторых случаях – недвижимостью. У нас помимо этого – торговля стратегическим сырьем; контрабанда, производство контрафактной продукции, фальсифицированных спиртных напитков, и т.д.

Таким образом, в отличие от нормального общества, в котором мафия паразитирует на “запретных” сферах общественной жизни, у нас – практически на всех.

В-пятых, в тех странах, где мафия является своего рода государством в государстве (Италия, США, Япония) заметен ее интенсивный переход от диких варварских методов к цивилизованным. И организованная преступность как бы становится частью государственной машины и в той или иной мере способствует процветанию страны.

К примеру, в США только от продажи наркотиков ежегодно оседает около 100 млрд. долл.

В России – иная картина: для сокрытия доходов от торговли наркотиками, оружием, от рэкета и прочих незаконных видов деятельности используются так называемые “черные” оффшоры, куда переводятся (уводятся за границу) деньги с помощью подставных “фирм-фонариков” (или “фирм-однодневок), число которых исчисляется десятками тысяч.

В-шестых, российская организованная преступность все глубже проникает в политику, прежде всего за счет финансирования избирательных кампаний угодных ей кандидатов в депутаты и на выборные должности. И многие

политики, сами, может быть, не подозревая, начинают работать на мафиозные структуры.

И нет ничего удивительного в том, что в современной России стали уже привычными всякого рода скандалы, связанные с тем, что при выборах как в центральные, так и местные органы представительной власти в числе претендентов на депутатское кресло оказывается много людей с криминальным прошлым или же находящихся “под колпаком” у правоохранительных органов. Поэтому борьба за депутатский мандат нередко диктуется стремлением заполучить связанный с ним парламентский иммунитет и, тем самым, избежать уголовной ответственности.

Представляется, что в том числе и по этой причине Президент РФ в своем недавнем выступлении на съезде “Единой России” высказался против включения в партийные списки олигархов, указав на недопустимость совмещения парламентского мандата и связанной с ним парламентской неприкосновенностью с занятием крупным бизнесом. Что, вне всякого сомнения, целесообразно как с точки зрения обеспечения эффективности парламентской деятельности, так и с учетом того, что далеко не все наши олигархи кристально чисты перед законом. При желании докопаться, “откуда есть и пошло” богатство олигархических “бизнес-империий”, если не во всех, то во многих из них всегда можно обнаружить “двойное дно”, свои темные пятна в генезисе, связанные с заказными убийствами, мошенничеством, рейдерскими захватами и т.д.

III

Не менее широкопрофильной смотрится и противоправная деятельность работников правоохранительных органов.

С одной стороны, речь идет о противоправных действиях, связанных с выполнением служебных обязанностей, а с другой – с криминальными по ха-

рактору “приработками” на стороне в свободное от основной работы время.

В опубликованной на страницах “НГ” статье Лидии Андрусенко в этой связи говорится, что “преступность и нарушение прав граждан со стороны госструктур (в первую очередь сотрудников МВД и органов юстиции) превращаются в настоящее национальное бедствие... Зачастую именно органы правопорядка ведут себя так, что люди боятся не только бандитов, но и милиции. Ради получения признательных показаний в первые часы после задержания людей в милиции нередко избивают и подвергают жестоким пыткам. В основном подобные факты остаются безнаказанными, потому что пострадавшие не заявляют о случившемся, опасаясь мести со стороны работников милиции. Да и вообще не верят в защиту своих прав и восстановления справедливости”⁴.

Ссылаясь на значительный удельный вес поступающих в адрес омбудсмена (уполномоченного по правам человека) жалоб на недозволенные методы воздействия и процессуальные нарушения при проведении дознания либо предварительного расследования, Л.Андрусенко, заключает, что “фактически наравне с бандитским беспределом, в стране существует милицкий беспредел”⁴.

Не случайно в публикуемых на страницах отечественных периодических изданий и показываемых ТВ криминальных хрониках и обзорах не так уж редки очерки и репортажи о милицеских работниках – “оборотнях”, специализирующихся на разбойных нападениях, грабежах, вымогательствах, киднепинге и т.д.; “крышующих” (прикрывающих) за определенную мзду проституток, продавцов наркотиков, “лохотронщиков” и т.д.

Так, что касается проституции, которой в Москве занимается от 50 до 100 тыс. женщин, то “сейчас практически невозможно представить работу притона, борделя или эскорт-агентства без серьезной “руки” в погонах. В не-

которых случаях под апартаменты для обслуживания клиентов отдают даже ведомственные квартиры. Есть свои интересы в этом бизнесе и у миграционных, и у прокуратуры, и у уголовного розыска.

Денег хватает на всех: сами девчонки из заработанных 200–300 долл. получают не более 10–15%, остальные идут различным “инстанциям”. А ведь это десятки, если не сотни миллионов долларов в месяц”⁵.

“Милиционеры, – пишет политический обозреватель “МК” Юлия Калинина, – самый жизнеспособный и мобильный отряд блюстителей порядка – научились пресекать, задерживать и наказывать тех, кто им мешает.

Взяли под контроль потоки бюджетных средств, и имеют с них свой процент. Наложены связи с прокуратурой и судьями, найден общий язык и точки соприкосновения.

Все вместе они научились отнимать в законном порядке собственность, сажать в тюрьму “казачных” клиентов. В принципе, сейчас они могут делать все, что от них требуется.

Только делают они это “все” не по долгу службы, а либо за деньги, либо по приказу вышестоящих властей”⁶.

Но речь идет не только об “оборотнях в погонах”, но и “оборотнях в мантиях” (судебной, прокурорской и т.д.).

Не секрет, что наряду с теневой экономикой в России, по словам В.В.Путина, интенсивно развивается и “теневая юстиция”. Юстиция, по отношению к которой так называемое телефонное право как один из решающих факторов, детерминировавших правосудия в советский период, просто блекнет. Правосудие отправляется не по кодифицированным законам, а по “прейскуранту”.

Уместно в этой связи привести строки из письма читателя “АиФ”, который недоумевает: “За кражу восьми литров молока

мой сосед получил 7 лет. А гендиректор компании *Golden ADA* Андрей Козленок, похитивший алмазов и золота аж на 187 млн. долл., осужден Московским городским судом всего на 6 лет. Подельников выпустили на свободу, а бывшего министра финансов Бориса Федорова вообще не привлекли к уголовной ответственности. Выходит, чем больше украл, – тем меньше получил?”

Отвечая на это письмо и подтверждая приведенные в нем факты, редакция еженедельника заключает: “Выходит, что правосудию безразлично, кто попался на краже: высокопоставленный чиновник или простой человек”⁷.

В связи с таким “избирательным” правосудием в народе горько шутят: “Не воруй мало, посадят”.

Из этого факта следует также, что власть экономическую и политическую имущие и “простые смертные” в РФ сегодня живут как бы в двух параллельных мирах. Первые в мире фантомной (призрачной) легитимности, где вроде существуют, но не действуют ни закон,

ни суд, ни прокуратура. Для вторых же закон писан. Мир легитимности реален. И все связанные с ним институты работают, что называется, на “полную катушку”.

Не случайно общее число заключенных в РФ до не давних пор составляло порядка одного миллиона человек (что больше числа, которое было во всем СССР).

В результате, как показали итоги проведенного опроса столичных жителей (лето 2001 г.), лишь 5,97% от общего числа респондентов оценивают нынешнюю судебную систему в РФ как “доступную и эффективную для всех граждан вне зависимости от социального статуса и уровня материального благополучия”. Что касается большинства в 90,97%, то в его глазах она предстает как “формально доступная, но реально эффективная только для сильных мира сего. Шансы же простых граждан защитить свои права с помощью этой системы весьма ограничены, если вообще не равны нулю”.

IV

Что касается противоправной деятельности работодателей (администрации государственных предприятий и учреждений, владельцев и высших менеджеров частных коммерческих фирм и пр.), то она предстает как “узко” специализированная и концентрируется в основном в сфере наблюдения трудового законодательства.

Дело в том, что отечественные реалии в сфере взаимоотношений труда и капитала как небо от земли далеки от тех, которые характерны для развитого социально ориентированного рынка. Прежде всего, потому, что российские предприниматели, не наступив пока на грабли классовой ненависти и борьбы, в массе своей воспринимают работающих не как наемных работников при

капитализме, которые имеют гарантированные государством права на достойные условия труда и зарплату, соответствующую реальной стоимости рабочей силы, а как, в лучшем случае, закрепощенных “вассалов”, чьи права сводятся к необходимости безропотно подчиняться “сюзерену” и во всем следовать “самочинно” установленным им правилам “феодальной монархии” (или “феодальной вотчины”) в миниатюре. Не “покладая рук”, работать, работать и еще раз работать без каких-либо твердых гарантий того, что в один прекрасный момент тебя “не облапошат” и не “выставят за дверь”.

Заместитель Генерального прокурора России Александр Звягинцев отмечает в этой связи: “Наше большое Отечество продолжает во многом оставаться страной

обычаев. Но обычай обычаю рознь! К примеру, во многих принятых на местах законах нет-нет да и просматриваются вполне отчетливо не принципы современного права, единые для всех и обязательные для каждого, а тени недоброй памяти Крепостного уложения.

Что уж говорить о практике?

Судите сами: в прошлом году (имеется в виду 2006 г. – Авт.) прокуратура выявила 1 млн. 200 тыс. нарушений в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Причем абсолютное большинство, около 800 тыс., было нарушениями трудового законодательства. Людям просто не платили, задерживали зарплату! То есть, по сути, обращались с ними, как с крепостными⁸.

Согласно данным Роскомстата, на 1 февраля 2005 г. общий объем невыплаченных денег составил по стране 14,3 млрд. руб. или 5% месячного фонда зарплаты всех работающих россиян. Число тех из них, которые остались без зарабо-

ванных денег, превысило 2,4 млн. чел. (практически каждый 13-й работник).

При этом основной объем долгов приходится не на бюджетный, а на частный сектор, в котором работодатели нередко вообще “кидают” работающих. То есть отказываются платить заработанное (особенно если работник на “птичьих правах” – мигрант из СНГ).

Если на Западе работающий человек чаще всего относится к среднему классу и живет “припеваючи”, то у нас вливается в класс бедняков. Данное обстоятельство не перестает изумлять западного обывателя – он никак не возьмет в толк, почему “новые бедные” в России – не безработные и не деклассированные элементы, а люди с постоянным местом работы, занятые активным созидательным трудом и имеющие не только специальное среднее, но нередко и высшее образование. А то и ученые степени и звания.

V

Еще один отряд субъектов-носителей противоправных действия в России – “надменной касты” государственных служащих и чиновников – принимает форму всевозможных поборов и взяток в качестве откупных со стороны граждан и коммерческих организаций за посреднические услуги в “продвижение дела” или же “закрытие глаз” на всякого рода нарушения в его организации.

Речь идет о такой форме негативной девиантности, как коррупция (повсеместное взимание этой кастой “статусной ренты”), которая приняла характер национального бедствия и превратилось в реальную угрозу национальной безопасности страны. Ею, как вирусом, поражены все звенья властной вертикали – от рядового муниципального работника и милиционера до правительственного чиновника и министра. И она, как ржа, разъедает властный стержень сверху до низу.

По последним данным, совокупная цена коррупции в России измеряется 240 млрд. долл., что сопоставимо с годовым бюджетом страны.

Как результат происходит резкое снижение эффективности экономики, усиливается нищета и социальное неравенство, расширяется пропасть между народом и властью, политика превращается в сферу дележа национального богатства, разлагаются нравственные устои общества, непоправимый ущерб наносится престижу страны на мировой арене.

В недавно опубликованном международной организацией *Transparency International* ежегодном рейтинге, который составляется по результатам опроса экспертов в 180 странах мира, коррупция в России спустилась с прошлогоднего 126 места на 143-е, разделив его с Индонезией, Гамбией и Того.

Когда говорят о причинах коррупции, то чаще всего указывают на отсут-

ствии в стране должной системы материального стимулирования управленческого труда и низкий уровень заработной плате государственных чиновников и служащих. И для того, чтобы “чиновный люд” в своем стремлении “жить по-людски” не добирал недостающее мздоимством и был уверен в своем будущем, нужны соответствующие государственные гарантии. И, прежде всего, достойные зарплаты, соизмеримые с той высокой ответственностью, которая возложена на него, как на того, кто принимает судьбоносные для страны (региона, области, района, города) управленческие решения.

Было бы, конечно, неверным полностью отрицать подобную точку зрения, ибо определенная доля истины в ней имеется. Однако это, отнюдь, не означает, что между уровнем чиновничьих зарплат и масштабами коррупции существует прямая связь в виде определенной причинно-следственной зависимости: чем выше зарплаты, тем ниже коррупция. На самом деле это не так.

Известно, что за последние 6 лет зарплаты российских чиновников выросли примерно в 9 раз, но коррупция при этом не только не уменьшилась, а, наоборот, существенным образом возросла, приобретая характер “коррупционного взрыва”. Получается (и это есть сержанья правда о коррупции в России), что, сколько нашему чиновнику не давай, он “как брал, так и будет брать”, при чем в геометрической прогрессии.

Следовательно, системообразующие причины коррупции кроются не традиционной “нищете” чиновничества. Они лежат в том, что несмотря на переход к рынку в нашей стране сохраняется положение, когда политика командует экономикой, а хозяйственная жизнь подвергается избыточному регулированию и администрированию.

Среди управленческих функций явно преобладают те, которые связаны

с распределением и перераспределением ресурсов, “легитимацией” и контролем частнопредпринимательской и коммерческой деятельности. Это как раз и является питательной средой для взяток и отступных как противоправному способу существования власти. Ибо, как подчеркнул в своем Послании Федеральному Собранию РФ (2003 г.) В.В.Путин, “любые административные барьеры преодолеваются взятками. Чем выше барьер, тем больше взяток и чиновников, их берущих”.

В то же время было бы неверным сводить коррупцию только и исключительно к взяточничеству и мздоимству, которые однозначно трактуются законом как уголовное преступление. Представляя собой общественно осуждаемое поведение властей, коррупция может принимать и такие, не подпадающие по статье УК формы девиантности, как предоставление разного рода преференций и создание преимуществ отдельным структурам и группам в обмен на преданность и политическую поддержку.

“Покупка голосов” в ходе избирательных кампаний и использование местными властями выделенных из центральной казны денежных средств и ресурсов для общественных нужд для завоевания симпатий электората, и др.

Речь идет о тех видах коррупции, которые в собирательном виде обозначаются таким очень расхожим в нашем политическом лексиконе термином, как “административный ресурс”.

В результате широкое использование этого ресурса все в большей мере профанирует и снижает политическую конкуренцию, превращает выборы в фарс. И как итог, приводит к разочарованию граждан в ценностях нарождающейся в России “эмбриональной демократии”, порождая в массовом порядке “политический пофигизм” и абсентенизм.

VI

Давайте зададимся вопросом, почему правоохранительные органы различных ступеней и рангов, будучи хорошо осведомленными обо всех преступных группировках и криминальных авторитетах, тем не менее, мало что делают для того, чтобы “прижать их к ногтю”.

Может бояться? В какой-то мере, конечно, да. Ведь в отличие от стран Запада, в России практически полностью отсутствует государственная система защиты свидетелей, судей, прокурорских и иных работников правоохранительных органов перед лицом организованной преступности. И страх перед угрозой физической расправы (в том числе над членами семьи) – это реальный фактор, не учитывать который нельзя.

В очерке “МК”, посвященном федеральному судье Алле Тарасенко, есть очень примечательные в этом отношении строки: “Кто она (судья) – и кто они (бандитские группировки)? Она – лишь абсолютно беззащитная женщина, которой глотку перерезать – что котенка утопить. Они – мощная, хорошо организованная и вооруженная сила, которая точно знает, кого замочить, кому и сколько отстегнуть, чтобы выйти из любой переделки”⁹.

В таком же негативном ключе на работе правоохранительных органов

сказываются и такие факторы, как исключительно низкий уровень их материально-технического обеспечения, мизерные должностные оклады сотрудников, которые ни как не соизмеримы с той высокой ответственностью и рисками, падающими на их плечи, несовершенство уголовного и уголовно-процессуального законодательства и др.

Однако основная причина низкой эффективности борьбы с криминалитетом, как представляется, все же другом – в сращивании организованной преступности с политико-властными структурами. Что такое мафия? Мафия – не просто организованная преступность. По своей глубинной сути и исходному системообразующему признаку **мафия – это сплочение трех сил: политики, уголовного мира и бизнеса.** Своего рода “огосударствление” (“этакратизация”) преступности, когда чуть ли не одна треть власть предержащих в России так или иначе связана с преступным миром и является для него “политической крышей”. Сливаются вместе с ним и бизнесом в “экономическом экстазе”.

Александр Гуров в одном из интервью сказал по этому поводу очень краткую, но емкую, по существу, знаковую фразу: “Нырнешь в преступную группировку, а выныриваешь в политике”¹⁰.

Преступность, как и коррупцию, полностью искоренить нельзя. Они неизбежные спутники любого, в том числе самого что ни есть свободного и демократического общества.

Не говоря об обществе российском – не демократическом, переходном, в котором семена дарованной сверху свободы, к сожалению, пали на невспаханную, некультуренную предыдущим развитием (ни в правовом, ни в нравственном, ни в религиозно-этическом смысле) почву. И “звериное-земное” начало в человеке, непривыкшем к духовной работе над собой, к претворению низшей природы в высшую, выступило на первый план. Тогда как человек в ипостаси существа социального и духовного (а именно в этом облике, несмотря на откровенные мародерские и разбойничьи формы капитализма в России, предстает большинство простых россиян) оказался оттесненным на задний план.

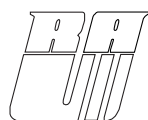
Но низвести организованную преступность и коррупцию до уровня неопасной для общественного организма “хронической болезни”, которая не создавала бы угрозы построению в России свободного демократического общества и правового государства – задача вполне реальная.

И первое, что требуется на этом пути – возрождение государства Российского как рационально-правовым образом организованной и ограниченной правом демократической власти, которая, опираясь на закон, выступала бы технократически легитимной и функционально высокоэффективной силы, неотчужденной, а слитой с народом, способной обеспечить в стране законность и порядок, гарантировать устойчивость социальной жизни, свободу и безопасность каждого и всех.

Власти, которая объявила бы, что идеалы рынка и демократии в России не могут вечно мириться с вакханалией зла, с несправедливым богатством одних (меньшинства) и незаслуженной бедностью других (большинства), что широкомасштабная борьба со всеми проявлениями зла и произвола, с одной стороны, и всемерная поддержка добра и справедливости, с другой – отныне является смыслом ее существования.

Примечания

- ¹ Аргументы и факты. 1998. № 15.
- ² *Мушгук О.З.* Оценка москвичами работы правоохранительных органов // Пульс. 2001. № 12, С. 17–18, 10.
- ³ *Мушгук О.З.* Москвичи о законности и правопорядке в столице // Пульс. 1996. № 45. С. 11–13.
- ⁴ *Андрусенко Л.* Омбудсмену в России работы хватает // Независимая газета. 2001. 28 мая.
- ⁵ Аргументы и факты. 2007. № 12.
- ⁶ Московский комсомолец. 2001. 14 июня.
- ⁷ Аргументы и факты. 2001. № 22.
- ⁸ Аргументы и факты. 2007. № 8.
- ⁹ Московский комсомолец. 2001. 16 мая.
- ¹⁰ *Гуров А.* Мафионные деньги должны работать на государство // Московский комсомолец. 1996. 10 ноября.

ОБЗЕРВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru